

Петербургский альбом Ф.Ф. Баганца

Имя художника-путешественника Фридриха Генриха (Федора Федоровича) Баганца забыто очень давно¹. В начале XX в. искусствовед Н. Врангель отмечал: «только краткие сведения имеем мы <...> о Баганце», художественная личность которого «недостаточно выяснена»². В 1960-е гг. историки А.П. Окладников и А.И. Крушанов, случайно обнаружив в библиотеке Института материальной культуры альбом акварелей Баганца, писали: «Об авторе замечательных рисунков известно немного»³. И только дневник Ф.Ф. Баганца «Вокруг света», опубликованный в 2004 г. правнучатой племянницей художника К.А. Стожаровой, впервые высветил черты его характера: работоспособность, презрение к трудностям, глубокий интерес ко всему новому, независимость, сдержанность в выражении чувств⁴. Однако до сего времени остается много неизвестного в его жизни и творчестве. Загадку таит в себе и его «Петербургский альбом»⁵.

Федор Федорович Баганц родился и умер в Петербурге (1834–1873). Его отец Фридрих Готтард Баганц (1803–1889) приехал в столицу из Митавы во время царствования Александра I. Он «постоянно занимался установкою, чисткою и исправлением часов в собственных покоях Государя Наследника» Александра Александровича и содержал часовую мастерскую. В 1871 г. получил звание Поставщика Двора Его Высочества, в 1881 г. — Поставщика Высочайшего Двора⁶.

После окончания Главного немецкого училища Святого Петра (1850) Федор Баганц учился в Академии художеств у профессоров М.Н. Воробьева и А.Т. Маркова. Два пейзажа, представленные на академических выставках, были отмечены серебряными медалями. В 1860 г. Баганц получил звание неклассного художника⁷. Три летних кампании 1860–1862 гг. он прослужил учителем рисования во время учебных плаваний гардемарин и кадетов Морского корпуса⁸. Романтическое отношение Федора Баганца к морю и парусному кораблю нашло отражение в ряде эскизов и гравюре «Фрегат “Дмитрий Донской”»⁹. Осень и зиму 1861–1862 гг. Баганц учился у профессора А.П. Боголюбова правилам рисования видов для морских лоций (лоции — пособие при навигации). Зарисовки берегов, узостей шхер и рейдов, гор, строений и других ориентиров требовали крайней точности изображения и строгого соответствия координатам места. Овладение техникой ри-

сования видов для лоций давало надежду на участие в кругосветном плавании¹⁰.

В марте 1862 г. президент Академии художеств великая княгиня Мария Николаевна, благоволившая А.П. Боголюбову, обратилась с памятной запиской к брату Александру II с просьбой осчастливить художника Баганца участием в кругосветной экспедиции. С согласия императора его брат великий князь Константин Николаевич, главный начальник флота и морского ведомства, приказал назначить его на одно из судов, отправляющихся к устью Амура¹¹. Готовясь к опасному и длительному путешествию, в 1859–1862 гг. Баганц создал серию акварелей Петербурга, объединенных в «Петербургский альбом».

«Петербургский альбом», находящийся в Государственном музее истории Санкт-Петербурга, содержит 28 акварелей размером 23,4 × 33,1 см. Рисунки наклеены на листы большего размера. На белых полях чьей-то рукой (почерк художника известен) проставлены даты и сделаны надписи. При беглом просмотре альбома-подлинника легко заметить, что на рисунках изображены два разных города: поместный, расположенный в Литейной части города, и столичный, представленный отдельными домами Михайловской площади, Невского проспекта, Михайловской улицы и Малой Морской. Надписи и даты группируют рисунки в три самостоятельные части.

В первой части пять рисунков. Они объединены «домом Путятина» и общей датой «1848 год». Эти акварели — ключ к пониманию альбома.

Почти весь разворот первого листа занимает двухэтажный дом с пристройкой в три этажа. Это дом номер 17 по Итальянской улице, владелица которого — статская советница М.А. Апраксина. Но этот дом не главный на рисунке: надпись дает четкую ориентацию: «Надеждинская улица, бывшая Шестилавочная. Угловой деревянный дом Путятина, где жили с ... по ... Дом Матушки на Итальянской 18». Большой барский «дом Путятина» под номером 35 по Надеждинской улице виден вдаль на перекрестке улиц. В 1848 г. Путятину принадлежит и второй дом «в два этажа, мера по улице 15 сажень», имеющий номер 15 по Итальянской улице¹². В 1848 г. дома по левой стороне Итальянской улицы имели нечетные номера. Изменение нумерации домов по сторонам улицы произошло в 1858 г. Бывший дом Путятина (принадлежит Буткевич) получил номер 16 по Итальянской, второй дом на том же участке — № 18, бывший дом Апраксиных — № 20 (принадлежит Салтыковой). В описании домов Н. Цилова 1863 г. дом № 18 отсутствует¹³. Пятая акварель, помеченная датой «1848 год», имеет надпись: «Невский проспект. Угол Литейной. Дом Ильина, где мы жили». Над-

пись подтверждает конечность существования «дома Матушки» на Итальянской.

Итак, дом № 18 по Итальянской в 1848 г. существовал и принадлежал Путятину. Этого дома не было ко времени создания акварели, что и отражено художником на первом листе. Справа от большого дома, где по плану Н. Цилова находился **небольшой двухэтажный дом, за забором видна розовая крыша низкого строения. Над крышей на уровне второго этажа большого дома находится окно, похожее на дверь, — след прохода со второго этажа малого дома в барский дом. В заборе есть калитка — выход на улицу из малого дома. Рядом с углом дома Апраксиных помещена закутанная фигура ребенка в характерной шапке с ушками.**

Второй рисунок называется «Левая часть двора в доме Матушки». Ранняя весна, голые ветви деревьев, в тени дома — тающий почерневший снег, в глубине двора — навес, под ним сушится белье, в темной глубине сарая заметны крытый возок на полозьях и телега. Правее, рядом с конюшней под водосточной трубой с длинной сосулькой, установлена на санях бочка для воды. **С другой стороны сарая красавец-петух и курица роются в куче сена. Людей не видно. Можно подняться на второй этаж барского дома и зарисовать «Часть Итальянской улицы против дома Матушки» (третий рисунок).** Сплотившись, как бы поддерживая друг друга, стоят рядом **небольшой дом в два этажа купчихи А.Н. Филиповой, дом в 3 этажа жены коллежского советника А.Ф. Вахрушевой и избушка в три окошка надворного советника И.В. Емельянова.** Со стороны Невского проспекта на них наступают многоэтажные дома. Город стремительно разрастается в сторону Николаевского вокзала. Старые постройки, в том числе и «дом Путятин», пойдут под снос. Необходимо запечатлеть его. Двумя фасадами на две улицы широко развернулся **двухэтажный дом жемчужно-серого цвета под высокой розовой крышей, с двусветными окнами второго этажа и двумя магазинами в первом. По улицам идут люди, едут кареты. Возле угла дома Путятин заметна детская фигурка в шапке с ушками.**

У Баганца не бывает ничего случайного, все изображенное имеет смысл. На первом и четвертом рисунках маленький человек, как вечный часовой, охраняет границы своего детства: «Дом Матушки» и « Левую часть двора», от угла дома Путятин до угла дома Апраксиной по Итальянской улице.

Большой дом принадлежит семейству Путятиных. По соседству с ними живут именитые люди: сенатор граф А.И. Апраксин, личный врач великого князя Михаила Николаевича профессор П.А. Чаруковский, придворный камердинер Д.Г. Гелиашвили, генерал-лейтенант Ф.И. Рер-

берг. Однако внимание художника, что подтверждается надписями, обращено не на дома-особняки, а на небольшой деревянный домик, находящийся за забором («За забором дом Матушки»), робко прислонившийся к дому Путятина справа и смотрящий на Итальянскую улицу одним окном второго этажа. Это дом-призрак, восстановленный художником по памяти. Этот незаметный, ускользающий из памяти дом несет главную смысловую нагрузку первых четырех рисунков — задержать в памяти «Дом Матушки», вписать его в окружение других строений, узаконить его право на существование. Был же этот дом! В нем жила Матушка, растила детей, радовалась и печалилась. Кто она? Почему ей определен отдельный от крепостных дом, но в то же время не барский? Почему художник ставит этот дом на первое место в альбоме, а надписи настойчиво говорят о Матушке? Может быть, что-то подскажут обитатели дома Путятина...

Дом на углу Надеждинской и Итальянской улиц построен Петром Ивановичем Путятыным (1755–1813), когда полковник артиллерии в отставке, тихвинский помещик, перебрался в Петербург и стал с 1790 г. заседателем «Санкт-Петербургского верхнего суда». Петр Иванович принадлежит к IX колену древнего дворянского рода Путятыных, а к XII колену этого рода относится Ефим Васильевич Путятин (1803–1883), известный как дипломат, заключивший в 1855 г. выгодный для России трактат с Японией. Он тоже тихвинский помещик, детям Петра Ивановича приходится внучатым племянником.

Ефим Васильевич — личность героическая. Он вместе с будущим адмиралом П. Нахимовым и будущим декабристом Д. Завалишным участвовал в кругосветном плавании под командованием Н.П. Лазарева (1822–1825), отстаивал Завалишина от обвинения в связи с иностранцами во время разгрома декабрьского восстания, имел с ним длительную переписку, встречался в 1857 г., направляясь в Китай. Молодой Путятин сражался при Наварине и был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени, участвовал в делах против горцев (1828–1839) и был ранен. Прекрасно разбирался в корабельной технике, послужив на Ижорских заводах. С 1846 г. состоял в свите Его Императорского Величества и исполнял ряд дипломатических поручений в Англии, Франции, Египте, Турции, Японии и Китае. Был членом Комитета по Амуру и Восточному побережью России (1849) и совершил первый подъем по Амуру. Отчетами участников экспедиции 1852–1855 гг. под командованием Е.В. Путятина, которые печатались в «Морском сборнике» и «Отечественных записках», «Очерками кругосветного плавания» и «Фрегатом “Палладой”» И.А. Гончарова зачитывалась вся Россия¹⁴.

В деятельности Ф.Ф. Баганца заметно влияние Е.В. Путятинна. В 1859–1860 гг. Е.В. Путятин занимался проектом преобразования морских учебных заведений, был тесно связан с Морским кадетским корпусом. В 1860 г. Баганц становится учителем рисования элитного морского училища, в котором учились дети потомственных дворян. Мещанину для поступления в корпус требовалась серьезная рекомендация. На Дальнем Востоке к молодому неизвестному художнику удивительно внимательны соратники Путятинна. Он радушно принят военным губернатором Приморского края, командующим Сибирской флотилии и портов Восточного океана адмиралом П.В. Казакевичем. По ходатайству А.П. Боголюбова, с 1864 г. состоявшего в свите наследника Александра Александровича, Баганцу предоставлено право свободного передвижения на военных и гражданских судах, чем он пользуется сразу по прибытии в Николаевск-на-Амуре. Вернувшись из плавания по Охотскому морю, он получает в штабе предписание и вместе с П.В. Казакевичем уходит на пароходе «Америка» в Китай. По пути из бухты Посьета, названной Путятинным, верхом на лошадях они осматривают часть восточного побережья Кореи, где побывал ранее Ефим Васильевич. Зимой 1866 г. Баганц курсирует между Шанхаем и Нагасаки, где находится консульство России во главе с О.А. Гошкевичем, в прошлом переводчиком Е.В. Путятинна. Обратный путь в Петербург в 1867 г. Баганц проделывает по тому же маршруту, каким прошел в ноябре 1855 г. генерал Путятин: по реке Амур и «сухим путем» через всю Россию. Альбом эскизов «Путь обратный по Сибири»¹⁵ содержит 11 видов для лоции Амура в самом быстром его течении — у Кумарского и Кольцевого утесов и Белых гор, указанных в отчете Е.В. Путятинна как сложный участок для судоходства¹⁶.

Вернемся на Надеждинскую улицу. В 1809 г. в доме Путятинна поселился старший сын Петра Ивановича действительный статский советник Алексей Петрович Путятин (1773–1822), женатый на Маргарите Петровне Реметевой (1779–1848), внебрачной дочери обер-камергера графа П.Б. Шереметева (1713–1787), получивший за ней богатое приданое. Три года молодые прожили в орловском поместье, наделали долгов. После длительной переписки опекун Н.П. Шереметев возвратил себе подаренные Путятинным земли, выплатил долги и пообещал Маргарите Петровне «пожизненный пансион в 10 тысяч рублей, чтобы жить в городе при умеренных издержках»¹⁷. Супруги переехали в Петербург и поселились на Надеждинской. Маргарита Петровна прожила в доме Путятинна с 1809 по 1845 гг. Из тихвинского имения мужа она привезла крепостных крестьян, превратив их в горничных и дворовых. Не успе-

ла она обосноваться на новом месте, как ей пришлось начать борьбу за свое существование, потому что брат-опекун граф Николай Петрович в 1809 г. умер, оставив два завещания, по последнему «пансион» ей не полагался. Она оказалась нищей. Пришлось подавать в суд на опекунов малолетнего наследника С.Н. Шереметева, собственного племянника, а через год обращаться с прошением к «Его Императорскому Величеству Самодержцу Российскому Александру Павловичу». Государственный совет на общем собрании решил подобные спорные дела передавать на рассмотрение правительствующего Сената. Шла война. Дело затянулось. После победы над французами Сенат Указом № 83 от 4 февраля 1813 г. решил дело в пользу Путятиной¹⁸.

В том же году ушел из жизни П.И. Путятин. В 1822 г. за ним последовал А.П. Путятин. Дом перешел к Михаилу Петровичу Путятину (1778–1845), полковнику Преображенского полка в отставке, тихвинскому помещику, действительному статскому советнику. В 1827 г. он поступил на службу в Министерство внутренних дел¹⁹. Его супруга В.А. Кобылина с малыми детьми жила в основном в тихвинском имении. Хозяйство в городе вела незамужняя сестра Мария Петровна (1782–1841). Две сестры, Елизавета Петровна, рожденная в 1774 г., и Нагалья Петровна, 1779 г.р., с 1822 по 1855 гг. состояли в штате великой княгини, а с 1825 г. — ее величества императрицы Александры Федоровны. Они назывались «девицами, помещенными жительство с фрейлинами»²⁰. «Девыцы» всегда были «под рукой» у императрицы, знали иностранные языки, этикет двора и по необходимости сопровождали почетных иностранок. Они редко появлялись на Надеждинской, но иногда бывали там по случаю болезни или просто отдыхали от суеты двора, о чем сообщали в письмах А.И. Апрелевой, муж которой был управляющим у С.Д. Шереметева²¹. О Путятиных вспоминает граф С.Д. Шереметев: «Это было обычное общество почтенной дворянской семьи, проводившее лето в деревнях <...> Коренное, русское, без особых затей, но гостеприимное, простое, добродушное. Вечера эти заканчивались непринужденной трапезой, где господствовало старое русское хлебосолюство, и шла простая беседа об интересах и людях, давно исчезнувших...». В церковные праздники Путятинины посещали торжественные службы в домашней церкви Шереметевых на Фонтанке, где пел хор мальчиков Ломакина. После обедни «духовенство, Путятинины, Буткевичи, Левенгагены, Грум-Гржимайло и Ломакин приглашались к большому завтраку в белой зале...»²²

Шли годы. В 1841 г. умерла незаметная Мария Петровна, в 1845 г. не стало и Михаила Петровича. В 1848 г. Путятинина, проживавшая последние три года на Фонтанке у Д.Н. Шереметева, «находясь бездетна и

в болезненном состоянии от разбития параличом правой руки и ноги, и будучи в здравом уме и трезвой памяти», на 6 страницах составила духовное завещание. Оно интересно подробным описанием имущества и тем, как она распределяет вещи среди родственников и знакомых, учитывая положение и интересы каждого. Два поручения следует процитировать полностью.

«Золовкам моим, дочерям Петра Ивановича Путятина, девицам: Елизавете Петровне — вазы бронзовые с хрусталем, две штуки, Наталье Петровне — бронзовый бюст Императора Александра I, **Марии Петровне** — бронзовые столовые часы подсолнечником и малахитовый пресс-папье...» Последний пункт завещания приводит в изумление. Маргарита Петровна, наградив своих крепостных «за усердие при службе деньгами», отпускает «всех без исключения дворовых людей обоего пола с семействами на волю». После ее смерти, последовавшей в августе 1848 г., начались мытарства людей, проживших 40 лет в городе. «Дворовых людей, 12 мужского и 15 женского пола, состоящих в Новгородской губернии, оценивают по 90 рублей за каждую душу мужского пола и женска пола в половину составляющей». На Итальянской им оставаться нельзя, дом перейдет к другому хозяину. Возвращаться в родные деревни — значит, снова стать крепостными, потому что Закон об освобождении крестьян от крепостной зависимости будет принят только через 13 лет. Оставалось разбегаться и прятаться по разным губерниям, городам и монастырям. Людей начинают искать. В 1852 г. **тихвинский земский исправник** еще пишет в петербургскую Управу благочиния, требуя внести в новгородскую казну из наследства М.П. **Путятиной по 300 рублей за каждого** «недопоставленного натурального рекрута...» Последняя резолюция из служебной переписки звучит потрясающе по-русски: «За людей, отпущенных на свободу, впредь никому дела нет и ни за что не вступаться...»²³

Итак, в 1848 г. существовала дочь Петра Ивановича по имени Мария. Но известно, что Мария Петровна Путятинна семь лет назад умерла. Значит, существовала другая Мария Петровна, которую Маргарита Петровна поставила рядом с дочерьми-дворянками Петра Ивановича. Мария Петровна вторая не упоминается в родословной Путятинных. Повидимому, она внебрачная дочь П.И. Путятинна. Для ее матери и был построен отдельный дом. Родилась она между 1810 и 1814 гг., в раннем детстве осталась без поддержки отца, росла с крепостной матерью, опекалась бездетной Маргаритой Петровной, познавшей на себе горечь жизни внебрачной дочери, от старших сестер научилась грамоте и дворянскому обхождению... Девушка — бесприданница, скромная и

трудолюбивая, с тяжелой судьбой грамотной крепостной. Старшие сестры вполне могли сосватать ее за аккуратного немца, занимающегося часами в покоях наследника. У этой пары родились дети: Федор (1834), Александр (1838), Эмилия (1840). Сохранилось свидетельство, говорящее о сложностях в семействе часовщика Баганца. Восемнадцатилетнего Александра Баганца по Указу императора Александра II от 30 октября 1856 г. приписывают к Митава. А через год начинаются хлопоты по получению «освободительного свидетельства» с целью приписки к Петербургу...²⁴

О матери художника известно немного. Профессор А.И. Стожаров (1900–1982) знал от бабушки Эмилии Федоровны, сестры художника, что его прабабка была из рода Путятиных. В сохранившихся документах жена Баганца-часовщика и мать его детей не упоминается. О ней имеется одно достоверное свидетельство: 30 декабря 1866 г., находясь в Николаевске-на-Амуре, Федор Федорович записал в дневнике: «Я получил траурное письмо, умерла моя любимая мама... Итак, прощание перед этим путешествием было совсем в последний раз. Больше никаких свиданий с ней не будет». Слово «свиданий» дает возможность предположить, что Матушка в последние годы жила отдельно от семьи. Возможно, для свиданий с ней в июне 1863 и 1864 гг. оформлял подорожные сын Александр, скрипач оркестра Императорских театров. И не Матушку ли возил он на воды в Германию в 1865 г.? Формулировка везде одинаковая: «по семейным обстоятельствам». Своей семьи у него еще не было. Вернувшись из кругосветного путешествия, Федор Федорович побывал в Новгороде. В Государственном Русском музее сохранился набросок «Новгород», датированный 21 июля 1868 г. Поездка могла быть связана с посещением могилы матери. Отсюда можно сделать вывод: первые акварели альбома — памятник Матушке, Марии Петровне, по отцу — Путятиной, по матери — крепостной Тихвинского уезда Новгородской губернии.

Рассмотрим вторую группу акварелей, на которых изображены отдельные дома и лица, в них проживающие. Они помечены датами с 1851 по 1860 гг. Это время обучения Федора Баганца в Академии художеств.

Е.А. Палибина и М.И. Крылова, жены офицеров в отставке, имевшие собственные дома на Михайловской площади, по-видимому, знакомые Путятиных. К семейству Палибиных мог относиться Владимир Палибин, служивший в Инспекторском департаменте, куда Ф. Баганцу приходилось обращаться по службе, а у Крыловых могли бывать П. Крылов или Г. Крылов, оба учились в Академии художеств вместе с Ф. Баганцем²⁵.

Датами 1851–1852 гг. отмечены два рисунка: «Дом Шиля» и «Дом Телешевой...» на Малой Морской. Надо заметить, что, во-первых, на акварели изображен дом, не принадлежавший Шиллю; во-вторых, фамилия этого домовладельца пишется с двумя «л». Похоже, что здесь допущена характерная описка, которую мог сделать человек, владеющий немецким языком лучше, чем русским. В немецком алфавите отсутствуют «ч» и «ж», поэтому «Чаруковский» у этого человека превратился в «Горукковского», а фамилия «Шиль» могла означать «Жиль». В изображенном на акварели доме скорее всего снимал квартиру Флориан Антон Жиль, уроженец Женевы, начинавший свой трудовой путь часовщиком. Приехав в Россию, он организовал пансион, был рекомендован императору Николаю I. В Аничковом дворце читал сказки маленькому наследнику, в середине 1830-х гг. был причислен к Департаменту народного образования и преподавал подростку цесаревичу Александру Николаевичу географию, историю и французский язык. В 1840-е Ф.А. Жиль был назначен библиотекарем собственной библиотеки Николая I, по сути дела, стал директором Эрмитажа. В 1851 г. велась подготовка к открытию Нового Эрмитажа. Ф.А. Жиль приводил в порядок коллекции оружия, составлял каталог «Древностей Босфора Киммерийского», описывал рукописи и древние книги²⁶. Привлечение ученика Академии художеств к выполнению отдельных поручений было вполне возможно.

В связи с картиной «Дом Телешевой. Малая Морская. 1851–1852» следует сказать, что хозяйки дома, Екатерины Александровны Телешевой (1805–1850), блистательной танцовщицы Императорского Санкт-Петербургского театра, в это время уже не было в живых²⁷. В Академии художеств с 1842 по 1855 гг. учился вольноопределяющийся Александр Телешев, живописец исторический и портретный, возможно, родственник Екатерины Александровны, с которым Федор Баганц мог бывать в указанном доме.

Следующие две акварели — «Ордонанс Гауз. 1853 г.» и «Дом Боссо, ныне Пецулевича, Литейная улица. 1854» — в альбоме расположены рядом. Дом на Литейной, 24 (нумерация 1849 г.), принадлежал купцу Федору Федоровичу Буссе, сдававшему квартиры в наем, в том числе К.И. Боссе. К.И. Боссе (1806–1857) окончил Петербургскую медико-хирургическую академию; с 1843 г. служил старшим ординатором, а с 1851 г. — главным доктором I Военного сухопутного госпиталя, в котором также лечились служащие двора; с 1854 г. Боссо — лейб-хирург двора его императорского высочества²⁸. О возможной связи Путятинных и Боссе говорит также и тот факт, что сын доктора Боссе генерал-майор В.К. Боссе (1834–1904) был помещиком Тихвинского уезда²⁹. Портрет

доктора Боссе, по словам потомков Баганца, находился в семейном архиве. Дом был продан доктору М.А. **Пецулевичу (1796–1865)**, частому гостю Путятиных на Надеждинской.

Эти детали позволяют воссоздать чрезвычайное происшествие, ставшее причиной травмы шейного отдела позвоночника, заметной на единственной фотографии Ф.Ф. **Баганца**. Он любил лошадей и был отличным наездником. Почти на всех видах Петербурга изображены эти городские труженики. Во время первого кругосветного путешествия, на стоянках «Гиляка» в Рио-де-Жанейро, Вальпараисо, на Гавайских островах и Гичиге в Охотском море, он брал на прокат мулов или лошадей, чтобы ознакомиться с окрестностями. Последствия катания на лошадях Преображенского полка, где с 1848 г. служил сосед по Итальянской улице, друг детства Сергей Апраксин, привели одного к доктору Боссе, а другого — на офицерскую гауптвахту в Ордонанс-Гауз...

1855 г. отмечен «Дом Логинова», находившийся на Невском проспекте между Литейной и Грязной (ныне — ул. **Марага**) улицами. Коллежский асессор Иван Логинович Логинов (умер в 1860 г.) владел литографией³⁰. В **середине 1850-х гг. в Петербурге жили еще два Логиновых**: Андриан Егорович, «словорез военно-топографического дела», высококлассный гравёр, и Василий Васильевич, вольноприходящий Академии художеств, получивший звание «учителя рисования в уездных училищах»³¹. Эти двое могли быть родственниками домовладельца Логинова или работать в его литографии. Ознакомление с тонкостями литографского дела, способом тиражирования рисунков, было вполне естественным для начинающего художника. Значимость дома подчеркнута изображением «дома напротив», который художник рисует со второго этажа главного дома.

Акварели «Дом Строгановых» и «Дом напротив» датированы 1856–1857 гг. Сергей Григорьевич Строганов был широко известен: барон, граф, генерал кавалерии, один из героев Бородина, член Государственного Совета, видный деятель русского просвещения, меценат, оказавший поддержку многим художникам, к тому же воспитатель детей Александра II³². Кстати, его супруге Наталье Павловне принадлежали земли вблизи Черной речки, где по соседству, на участке 514, была расположена дача Маргариты Петровны Путятиной. Дом напротив, принадлежавший Рогову, изображен со второго этажа дома Строгановых, художник утверждает этим приемом: я здесь бывал. Прием использован в изображении четырех домов, имевших, по-видимому, особое значение для художника: Путятин, Логинов, Строганов и Доссе.

Бассейной улице и «Дому Доссе» посвящено пять рисунков, серия датирована 1858–1859–1860 гг., последними годами обучения художника в Академии. В 1859 г. Баганц начинает создавать «Петербургский альбом». В конце 1850-х на Бассейной ул., д. 4, жило немецкое семейство Доссе, в частности трое молодых людей: Элеонора, Эдуард Фердинанд и учащийся Академии художеств Иоганн Николай, Иван Федорович, Доссе (1835–1881), «художник по живописи портретной, аквалерист». Иван Доссе увлекался также новым видом изобразительного искусства — фотографией³³.

Итак, вторая группа рисунков изображает дома знакомых Пуत्याтиных и служащих при дворе в одно время с придворным часовщиком Ф.И. Баганцем, отцом художника, а также дома, где могли бывать ученики Академии художеств, занимавшиеся с Ф.Ф. Баганцем.

Баганц знал, что окружающий его мир конечен. Он будет уничтожен. Скоро не будет деревянных домиков с небольшими усадьбами, лавочек с кренделем на вывесках, колоритных питейных заведений, тесовых тротуаров, летящей по улице тройки, водовозов с громадными бочками. Художник кружит по улицам своего детства: «Итальянская улица. 1859. Знаменская улица. Водокачаль», «Преображенская улица, близ Итальянской», «Ковенский переулок» и «Озерный переулок», оставляя на память картину жизни Литейной части Петербурга первой половины XIX в. В этом уникальная ценность «Петербургского альбома».

Наступает 1862 г. Близится момент отплытия в кругосветное путешествие. В оставшееся время Баганц пополняет альбом зимними рисунками: «Бассейная улица, конец Кикиной площади», «Спаская улица», «Манежный переулок». Изображает «Кабак на Итальянской», находившийся рядом с въездом в Мариинскую больницу и принадлежавший сестрам Скорняковым. В последний раз заходит в дом Пуत्याтина и со второго этажа рисует «Деревянный дом на углу Надеждинской и Итальянской». Дом Малютина, так же как и дом Пуत्याтина, доживает последние дни. По правилам создания видов для лоции дом Малютина слева и справа «привязан к знакам ориентировки» — углам каменных домов Чаруковского и Рерберга, которые, возможно, сохранятся. Один из «ориентиров» дожил до нашего времени — надстроенный дом профессора Чаруковского.

Есть еще много памятных мест Петербурга, которые Ф.Ф. Баганц хотел бы запечатлеть в собственных рисунках, но нет времени. Приходится ограничиваться готовыми фотографиями и литографиями с изображением театров, церквей, мостов и зданий. Среди них — «Пажеский корпус», в котором учился друг детства сосед С. Апраксин; «Часть Глав-

ного штаба. Инспекторский департамент. 1-ый подъезд за будкой», где Ф.Ф. Баганц получал указания по службе в морском ведомстве, определялся «заграничный порцион», куда он сдавал свою работу и где ему выплачивалось жалование; «Набережная с Зимней канавкой», недалеко от дома Петрова на Миллионной, откуда он уйдет в плавание.

Семь лет из своей короткой жизни Федор Баганц прослужил в Гидрографическом департаменте Морского министерства, совершив два кругосветных путешествия. Главный результат первого плавания — альбом, преподнесенный Александру II. **Это художественный отчет об освоении Дальневосточного побережья России и реки Амур по состоянию на 1866 г.** Интересны этнографические зарисовки жилищ, культовых сооружений, деталей быта малых народов мира, которые он делал по собственной инициативе. Уникальны изображения портов мира, в которых были стоянки «Гиляка» во время первого плавания, зарисовки городов Сибири, через которые художник возвращался на перекладных в 1867 г. **Наследие Ф.Ф. Баганца — целый мир, исторически конкретный и в то же время художественно исполненный, до конца не исследованный.**

За два кругосветных плавания в Гидрографический департамент было представлено около 100 видов для лоции, которые до настоящего времени никто не видел. Ничего неизвестно о зарисовках и дневнике, созданных во время второй кругосветки.

В плаваниях Федор Федорович много читал, о чем свидетельствует акварель «Каюта на клипере “Жемчуг”»: книгами заполнена полка на стене, книги разложены на столе, освещенном горящей свечой. Он владел несколькими иностранными языками. Во время стоянок в больших портовых городах посещал театры разных стран. Путевой дневник вел на немецком языке, но для записи новых слов и выражения чувства восторга пользовался русским языком. По-русски делал заметки на полях зарисовок, которые позднее перерабатывал в акварели. Любил классическую музыку и с удовольствием слушал русские песни в исполнении матросов. Лютеранин по вероисповеданию, с уважением относился к церковным православным праздникам. **В его характере явно сочетаются немецкие и русские черты.**

Вышеизложенное дает возможность утверждать, что «Петербургский альбом» представляет собой своеобразный мемориал детству и юности Федора Баганца, памятник людям, причастным к его судьбе: Матушке, родственникам и знакомым, дворянам и служащим при дворе, немцам и русским, многие из которых ко времени создания альбома уже ушли из жизни. Скорее всего надписи к рисункам были сделаны им собственноручно в альбоме зарисовок, который не сохранился, или на обратной

стороне акварелей, позднее были перенесены на подложки акварелей альбома и дополнены кем-то из родственников.

Официальные наследники Ф.Ф. Баганца — брат Александр и сестра Эмилия, у которой было четыре дочери и сын. Дочь Эмилии Иоанна, помнившая умирающего дядюшку, пыталась переводить его дневник «Вокруг света» и написала на коробке, в которой хранилась рукопись: «Дядин дневник». Возможно, она же по-детски пестро раскрасила литографию «Ледяные горы и балаганы на Адмиралтейской площади» из «Петербургского альбома» и один из эскизов дорожного альбома Ф.Ф. Баганца «Путь обратный по Сибири 1867 июня до сентября (зари-совки селений и пейзажа)», обнаруженный в 1997 г. в архиве Шереметевых. находка еще раз подтвердила наличие связи между семействами Баганцев, Путятиных и Шереметевых³⁴. Наследие Ф.Ф. Баганца передавалось из поколения в поколение, сохранялось во время войн, революций и блокады Ленинграда. «Петербургского альбома» среди сохранившегося нет. По-видимому, он достался Александру Баганцу, не имевшему наследников, и был продан.

К великому сожалению, составитель и автор статей изданного альбома «Петербург неузнаваемый в акварелях Ф.Ф. Баганца» А.М. Павелкина действительно сделала альбом «неузнаваемым», изменив авторский порядок подачи материала, не увидев дома 18 по Итальянской улице и придав значение тому, что было второстепенным в жизни художника и его альбоме. Этим она исказила смысл альбома и принизила личность художника. И все-таки альбом вышел, стал достоянием общественности! Можно надеяться, что наследие художника дождет своего заинтересованного и объективного исследователя, который изучит эпоху, документы, его альбомы и отдельные акварели, отыщет (хочется верить) то, что до сего времени находится в запасниках и архивах, и создаст полную и правдивую историю жизни и творчества Федора Федоровича Баганца.

¹Верховская И.Б., Цветкова Н.А. Художник-путешественник Ф.Ф. Баганц // Тр. ГМИ. СПб., 1998. Вып. 3. С. 81–91.

²Врангель Н. Двенадцатый год и иностранные художники XIX века в России // Старые годы. СПб., 1912. Июль–сентябрь. С. 23.

³Окладников А.П., Крушанов А.И. Незаслуженно забытые картины художника Ф. Баганца о Дальнем Востоке // Тр. АН СССР (Дальневосточный филиал). Серия историческая. Благовещенск, 1963. Т. 5. С. 154–161.

⁴Баганц Ф. Вокруг света / пер. и предисл. К.А. Стожаровой. СПб., 2004.

⁵Петербург неузнаваемый в акварелях Ф.Ф. Баганца / авт. ст. А.М. Павелкина. СПб., 2005.

- ⁶ РГИА. Ф. 472. 1871 г. Оп. 23. Д. 3.; 1883 г. Оп. 38. Д. 53. (сведения о поставщиках двора).
- ⁷ Художники народов СССР: биографический словарь. М., 1970. Т. 1. С. 251.
- ⁸ РГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 3. Д. 2297. С. 24, 25; Д. 1802. С. 9 (о назначении художника Баганца).
- ⁹ Всемирная иллюстрация. СПб., 1869. Т. 2. С. 388.
- ¹⁰ *Огарева Н.В.* Летопись жизни и деятельности художника А.П. Боголюбова. Саратов, 1988. С. 34, 35, 41.
- ¹¹ РГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 3. Д. 1802. С. 1, 2 (о назначении Ф. Баганца на одно из судов).
- ¹² *Цилов Н.* Атлас 13 частей Петербурга. СПб., 1849. С. 12, 41, 42, 43, 103, 199, 206, 209, 362.
- ¹³ *Он же.* Описание улиц Санкт-Петербурга и фамилии владельцев к 1863 г. СПб., 1862. С. 127.
- ¹⁴ *Винклер Г. фон* Родословия русского дворянства. Дворяне и графы Путятины. СПб., 1895. С. 13. № 25, 30, 31, 32, 39.
- ¹⁵ РГИА. Ф. 1088. Оп. 2. Д. 957. Альбом Ф. Баганца «Путь обратный по Сибири».
- ¹⁶ Всеподданнейший отчет генерал-адъютанта графа Путятина о плавании отряда военных судов в Японию и Китай: морской сб. СПб., 1856. Т. 24. № 10. С. 22.
- ¹⁷ РГИА. Ф. 1088. Оп. 1. Д. 238 (переписка Н.П. Шереметева с А.П. Путятиным).
- ¹⁸ Там же. Ф. 1088. Оп. 1. Д. 760. С. 1, 33, 38, 82 (дело об утверждении пожизненной пенсии М.П. Путятиной).
- ¹⁹ Там же. Ф. 1286. Оп. 4. Д. 640 (послужной список М.П. Путятина).
- ²⁰ Месяцеслов. Придворный штат Вел. кн. и Императрицы Александры Федоровны. СПб., 1822–1855.
- ²¹ РГИА. Ф. 1088. Оп. 1. Д. 806 (письма к А.И. Апрелевой).
- ²² *Шереметев С.Д.* Домашняя старина. М., 1900. Вып. 1. С. 50, 118–124.
- ²³ РГИА. Ф. 1088. Оп. 1. Д. 764. С. 90–103, 106, 127 (дело об исполнении духовного завещания).
- ²⁴ Там же. Ф. 497. Оп. 2. Д. 16037. С. 1–14 (о службе скрипача А. Баганца).
- ²⁵ Императорская Санкт-Петербургская академия художеств. 1764–1914 / сост. Кондаков. СПб., 1915. С. 103 — П. и Г. Крыловы; С. 115 — В. Логинов; С. 194 — А. Телешев.
- ²⁶ *Левинсон-Лессинг В.Ф.* История картинной галереи Эрмитажа. 1764–1917. Л., 1986. С. 192, 217, 294.
- ²⁷ *Брокгауз и Эфрон.* Энциклопедический словарь. СПб., 1891. Т. 64. С. 816.
- ²⁸ Немцы в России: энциклопедия. М., 1999. Т. 1. С. 234.
- ²⁹ Список дворянских родов Новгородской губернии / сост. Н.П. Голицын. Новгород, 1910. Ч. 5.
- ³⁰ РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 214 (о разрешении открыть литографию купцу Логинову).
- ³¹ Императорская Санкт-Петербургская академия художеств. 1764–1914 / сост. Кондаков. СПб., 1915. С. 103 — П. и Г. Крыловы; С. 115 — В. Логинов; С. 194 — А. Телешев.
- ³² Русский биографический словарь / ред. А.А. Половцов. СПб., 1896. Т. «Смеловский—Суворина». С. 521.
- ³³ Азбучный указатель имен русских деятелей. СПб., 1900. Ч. 1. С. 496.
- ³⁴ *Цветкова Н.А.* Вычисленная находка // Немцы в Санкт-Петербурге: сб. ст. СПб., 2003. Вып. 1. С. 225.